В.А. Квашнин

ГАННИБАЛ В КРОТОНЕ: «НЕЭВКЛИДОВО» ПРОСТРАНСТВО АНТИЧНОГО НАРРАТИВА

Статья посвящена пребыванию Ганнибала на юге Италии. Особое внимание уделено его действиям в отношении храма Геры (Юноны) Лацинии, находившегося в окрестностях Кротона. Этот эпизод нашел отражение в сочинениях Цицерона, Ливия, Полибия, восходя к несохранившимся работам Целия Антипатра и, возможно, сицилийского историка Силена, сопровождавшего Ганнибала во время италийского похода. По сообщению Полибия, Ганнибал распорядился поместить в храме надпись, содержащую перечень его побед на греческом и пунийском языках. Как показывают источники, за интересом, проявляемым карфагенским военачальником к местным религиозным культам, скрывается борьба за умы и симпатии как греческих полисов южной Италии, так и населения Италии, в той или иной степени подвергшегося эллинизации к концу III в. до н.э. Религиозные образы и мифологемы в годы Ганнибаловой войны подвергались многочисленным трансформациям и переосмыслению, играя роль идеологического оружия в борьбе за лояльность народов Италии.

***Ключевые слова**: древний Рим, Ганнибал, религия, пропаганда, Юнона, Мелькарт*

Личность карфагенского полководца Ганнибала неизменно привлекает внимание исследователей. Его деятельность, рассматриваемая, как правило, на фоне грандиозной картины военного противостояния двух сильнейших держав Западного Средиземноморья, породила огромную литературу. Внушительный пласт историографии посвящен различным аспектам военной и политической истории, но проблемы духовной культуры мультиэтничного населения изучены далеко не в равной мере, что обусловлено скудостью источниковой базы[1]. В этой связи можно только приветствовать появление в последние годы ряда работ, посвященных римско-карфагенскому противостоянию в сфере идеологии[2]. Пропагандистские модели и клише, используемые обеими сторонами, позволяют увидеть те стороны религиозной, интеллектуальной и культурной жизни населения Италии, в своем единстве представляющие феномен античной культуры, что обычно оказываются заслонены военными и политическими баталиями эпохи Второй Пунической войны.

В этой связи наше внимание привлек эпизод, связанный с пребыванием Ганнибала на юге Италии. Рассказывая о событиях 207 г. до н.э., Ливий отмечает: «Ганнибал провел это лето возле храма Юноны Лацинии; он поставил и посвятил алтарь с большой надписью на греческом и пунийском языках, перечислявшей его подвиги» (XXVIII.46.16. Здесь и далее пер. М.Е. Сергеенко). Достоверность этих сведений подтверждается Полибием, который сообщает, что в храме Юноны Лацинии им был

[1] Даже такой, казалось бы, частный вопрос о месте перехода армии Ганнибала через Альпы породил огромную литературу, причем дискуссия не утратила актуальности до настоящего времени. См.: Billot 2009: 59-66.

[2] Billot 2009; Miles 2011: 260-279; Fabrizi 2015: 129-136.

обнаружен перечень войск на медной доске, изготовленной по приказанию Ганнибала. Греческий автор счел эти сведения вполне достоверными, использовав их в своем труде (III.33.18). Как принято считать, речь в данном случае идет об известном храме Геры Лацинийской, находившемся в окрестностях Кротона на мысе на восточном берегу Бруттия[3]. Сохранилось описание этого храма:

> «В шести милях от Кротона находился еще более знаменитый храм Лацинийской Юноны, почитаемой всеми окрестными народами. Он стоял в густой роще, огражденный высокими пихтами; в середине ее было роскошное пастбище, где пасся всякий скот, посвященный богине. Пастуха там не было, вечером стада разных животных возвращались в хлева раздельно. Звери на них никогда не нападали, люди не обижали, и поэтому доход от скота был большой. На эти деньги сделали колонну, всю из золота, и посвятили ее богине; храм был славен богатством, не только святостью» (Liv. XXIV.3-6).

Ливий особо отмечает, что храм Геры Лацинской не был заурядным святилищем. «Таким замечательным местам приписывают обычно какие-нибудь чудеса; тут шла молва, что в преддверии храма есть алтарь, пепел с которого не сдует никакой ветер» (XXIV.7). Эти сведения подтверждает Плиний (HN. II.107). О золотой колонне в храме сообщает также Цицерон, ссылаясь по ходу рассказа на Целия Луция Антипатра:

Целий пишет, что когда Ганнибал хотел вынести из храма Юноны Лацинии стоявшую там золотую колонну и усомнился, золотая ли она вся или только позолоченная, то приказал просверлить ее насквозь. Обнаружилось, что колонна подлинно золотая, и Ганнибал велел ее вынести. Но во сне ему явилась Юнона и предостерегла, чтобы он этого не делал, пригрозив, что если он не послушается, то она позаботится о том, чтобы он и тот глаз, который у него хорошо видел, потерял. И этот умнейший человек не пренебрег полученным советом. А из высверленного золота он повелел сделать статуэтку телушки, которую поставил на верх колонны. А вот, что еще можно прочитать в греческой истории Силена, подробнейшим образом описавшего жизнь Ганнибала (Целий во многом следует этому историку). (De div.I.48-49. Пер. М.И. Рижского).

Хотя рассказ Целия в изложении Цицерона выглядит анекдотично, его сведения ценны тем, что указывают на возможный первоисточник. Таковым, судя по всему, было сочинение Силена Калактинского, греческого историка второй половины III в. до н.э., родившегося на Сицилии[4] В годы Второй Пунической войны он сопровождал Ганнибала, оставив, по свидетельству Цицерона, подробное описание его жизни[5].

Чем же был вызван повышенный интерес карфагенского полководца к святилищу Геры/Юноны в Лацинии? Судя по упоминаемой в ис-

[3] В настоящее время храм Геры Лацинии локализован в местности, носящей название Capo Colonna (Capo della Colonne) в Калабрии. Мыс, на котором он был построен, в древности носил название Promunturium Lacinium. Современное название место получило благодаря сохранившейся колонне дорического ордера высотой 8,2 м.

[4] Miles 2011: 264, 273; Fabrizi 2015: 135. Not. 67.

[5] Силен был также автором исторических сочинений о Сицилии и войне с римлянами, небольшие фрагменты которых сохранились в пересказе других авторов.

точниках таблице с перечислением побед, одержанных Ганнибалом на территории Италии, его действия могли быть связаны с последствиями поражения в конце июня 207 г. до н.э. в битве при Метавре прибывшего из Иберии карфагенского войска, в которой среди прочих погиб его младший брат Газдрубал Барка[6]. Напоминая о своих победах над римлянами, карфагенский полководец, возможно, пытался восстановить свой пошатнувшийся авторитет в глазах жителей южной Италии. Культ Геры, почитавшейся жителями негреческой части Италии в ипостаси Юноны, в то время не оставался без внимания и в Риме. Описывая события 208 г. до н.э., Ливий сообщает о том, что во время подготовки очистительных обрядов молния попала в храм Юноны Регины на Авентине. Это, казалось бы, ординарное событие вызвало довольно бурную реакцию в Риме (XXVII.37.7-15). Рассказ Ливия интерпретируется современными исследователями как указание на то, что Гера/Юнона воспринималась как божество, враждебное римской общине, в силу чего ее следовало умилостивить дарами и ритуалами[7]. Вергилий в «Энеиде» прямо называет Юнону богиней, благоволившей к Карфагену[8].

> Звался он Карфаген — вдалеке от Тибрского устья,
> Против Италии; был он богат и в битвах бесстрашен.
> Больше всех стран, говорят, его любила Юнона,
> Даже и Самос забыв; здесь ее колесница стояла,
> Здесь и доспехи ее. И давно мечтала богиня,
> Если позволит судьба, средь народов то царство возвысить
> (Verg.Aen.I.12-19. Пер. С.А. Ошерова).

Принято считать, что этот концепт восходит к римской литературе эпохи Августа и запечатлен в эпосе Вергилия и Силия Италика[9]. Однако в источниках присутствует любопытный сюжет, возможно свидетельствующий о существовании схожей традиции в более ранний период. Как сообщает Валерий Максим, «известно, что консул Варрон столь несчастливо сражался с карфагенянами при Каннах из-за гнева Юноны» (I.1.16). Это повторено у Лактанция, который дает развернутый комментарий по поводу враждебности Юноны римлянам (Inst.II.16.16-17). История консула 216 г. до н.э Гая Теренция Варрона, оскорбившего Юнону, выглядит довольно загадочно. Исследователи скептически относятся к ней, отмечая ее ретроспективный характер[10]. Д. Рич полагает, что свидетельство Валерия Максима–Лактанция уникально, поскольку другие источники не содержат подобного объяснения поражения римлян от войска Ганнибала. Появление в рассказе не Юпитера, которому посвящены игры, а его жены Геры свидетельствует, по мнению Рича, о позднейшем происхождении этой традиции, возможно, эллинистической[11].

[6] Billot 2009: 163.
[7] Feeney 1991: 116-117; Miles 2011: 274.
[8] Прослеживается параллелизм между «Пуникой» Силия Италика (I.12-19) и «Энеидой» Вергилия (I.441-493), в которых храм Юноны помещается в центре Карфагена.
[9] Wilson 1993: 219; Billot 2009: 36.
[10] Rosenstein 1990: 68-69
[11] Rich 2012: 94

То есть, ее происхождение связывается с прокарфагенскими грекоязычными источниками. Однако схожий сюжет у Валерия Максима находит подтверждение в римских источниках. Как он сообщает: «не избежал наказания и Квинт Фульвий Флакк, когда перевез мраморные плиты из храма Юноны Лацинии в храм Фортуны Эквестрис, который возводил в Риме» (I.1.20). Речь идет о цензоре 173 г. до н.э. Квинте Фульвии Флакке, причем данный эпизод попал в поле зрения Тита Ливия. В том же году лишился крыши храм Юноны Лацинийской. Цензор Квинт Фульвий Флакк сооружал храм Фортуны, покровительницы всадников, и ревностно старался, чтобы в Риме не было более роскошного и обширного храма. Рассудив, что мраморные плиты чрезвычайно украсят его крышу, он отправился в Бруттий и наполовину снял крышу храма Юноны Лацинийской, полагая что этого хватит для покрытия возводимой постройки. Когда же цензор был приглашен и явился в курию, все сенаторы, вместе и поодиночке, с еще большим ожесточением стали поносить его: кричали, что ему мало было осквернить священнейший храм страны, который не тронули ни Пирр, ни Ганнибал, он снял с него крышу и этим обезобразил и почти разрушил его. Верхушка храма сорвана, крыша снята, и он открыт дождям, которые сгноят его. Еще до доклада было ясно мнение сенаторов, а после рассмотрения дела все единодушно решили, что следует отвезти эти плиты назад, водрузить их на храм и принести искупительные жертвы Юноне (XLII.3.1-10. Пер. Н.Н. Трухиной).

Сообщение Ливия подтверждает исключительный статус лацинийского святилища и особое отношение к культу Юноны/Геры в Риме[12]. Почитание Геры в ее различных обличьях жителями Карфагена не является выдумкой римских авторов эпохи Августа. Даже после уничтожения Карфагена долгое время население северной Африки поклонялось ей под именем Юноны Келестис (Калестис). Представленный в римском эпосе сюжет о связи семьи Ганнибала с Юноной, избравшей его орудием удовлетворения своих амбиций, мог иметь реальные основания. На то указывают, в частности, монеты III в. до н.э., отчеканенные на территории Иберии. На них одновременно присутствуют Мелькарт /Геракл, представленный в эллинизированном образе, и финикийские мифологические сюжеты, большей частью связанные с Танит, которая в свою очередь отождествлялась с Герой. Слияние греческих и финикийских культурных традиций происходило в контексте политики Баркидов, пытавшихся говорить с новыми подданными на языке средиземноморского

[12] Возможно, два этих эпизода у Валерия Максима объединяет не только мотив гнева Юноны, направленного на того или иного римского магистрата. Квинт Фульвий Флакк был сыном одноименного полководца эпохи Ганнибаловой войны, консула 237, 224, 212 и 209 гг. до н. э. В последнее консульство его провинцией были Лукания и Бруттий, причем полномочия Флакка продлевались на 208 и 207 гг. до н.э. Таким образом, Квинт Фульвий Флакк и Ганнибал находились в Южной Италии в одно и то же время. Это позволяет с известной долей осторожности предположить, что Фульвии Флакки были связаны особыми отношениями с храмом Юноны Лацинии, что позволяет в какой-то мере объяснить поступок цензора в рассказе Ливия.

культурного койне[13]. В этой связи можно предположить, что тема покровительства Юноны Карфагену и семье Ганнибала, в частности, берет свое начало не в эпосе Вергилия, а имеет куда более ранние корни. Возможно, сюжет об особых отношениях Юноны с Баркидами и его связь с историей Энея и Дидоны восходит к эпосу Гнея Невия, который был непосредственным свидетелем Ганнибаловой войны и оказал влияние на многих римских поэтов, включая Энния и того же Вергилия[14].

В отличие от Юпитера, представлявшего собой древнее божество, почитаемое латинами, культ Юноны был заимствован у этрусков, и это произошло, согласно традиции, после взятия Вей в 396 г. до н.э, причем заимствован именно культ Юноны Регины, в честь которой был воздвигнут храм на Авентине, что возвращает нас к событиям 208-207 гг. до н.э. (Liv.V.22.4-7; Val.Max.I.9.3; Plut.Cam.VI). Включение Юни/ Юноны в круг римских богов, носило, таким образом, «политический» характер, символизируя интеграцию новых территорий в римско-латинский союз[15]. В то же время, в центральной Италии, по мнению Ж. Дюмезиля, этрусскую богиню Юни отождествляли с финикийской Астартой. Одновременно с ее превращением в римскую Юнону этрусскую богиню начинают почитать в различных образах, в т.ч. в обличии пунийской Танит[16]. Острая реакция римских властей на неблагоприятные знамения, связанные с храмом Юноны Регины, была, возможно, связана с попытками Ганнибала использовать культ Геры со всеми ее локальными ипостасями для утверждения идеи о том, эта богиня оказывает покровительство карфагенянам, перейдя на их сторону. Культ Геры был популярен не только среди грекоязычного населения Южной Италии, но получил распространение и у народов центральной части полуострова, например, у самнитов, поклонявшихся ей под именем Гора/Hora (Ovid. Metam. XIV.851). В этой связи показателен интерес, который Ганнибал проявлял к еще одному святилищу Юноны, находившемуся на берегу Авернского озера в Кампании, с V в. до н.э. находившейся под контролем самнитов[17]. Будучи естественным водоемом вулканического происхождения, оно почиталось как одно из мест, служивших вратами в подземное царство Аверна, божественного супруга Юноны Аверны. Высказывалось предположение, что Ганнибал поклонялся в Авернском святилище Астарте, принявшей облик Юноны, но возможно, еще одним объектом поклонения был ее супруг Мелькарт, который в свою очередь

[13] Miles 2011: 267; Daniels 2018: 245-246.
[14] Goldberg 1995: 43, 54; Billot 2009: 36.
[15] Пребывание Юноны в составе капитолийской триады не делало ее божеством, безусловно лояльным к Риму. Ее состав – Юпитер, Юнона и Минерва – очень напоминает этрусскую триаду, включавшую Тини, Юни (Уни) и Менрву. Некоторые исследователи предполагают, что изначально у римлян была иная, более древняя триада, соответствующая общей индоевропейской модели, в которую входили Юпитер, Марс и Квирин. Подробнее см.: Moscetti, Melis, 1994.
[16] Dumézil 1970: 680-682.
[17] Huss 1986. S. 235-236.

воспринимался как одно из обличий Геракла[18]. Таким образом, религиозные ритуалы, осуществлявшиеся Ганнибалом в Аверне, были не только попыткой заручиться поддержкой местных божеств или изменить «сакральный пейзаж» Италии, но и мощным пропагандистским оружием, призванным подчеркнуть связь между Ганнибалом и его божественным покровителем Мелькартом/Гераклом. В этой связи вызывает интерес содержащееся у Сервия в комментариях к «Энеиде» Вергилия упоминание о том, что храм Юноны/Геры Лацинской был построен ни кем иным как Гераклом, что позволяет связать воедино два эпизода, связанных с религиозными практиками Ганнибала на юге Италии (III.552)[19].

Реконструкция, созданная современными исследователями, достаточно громоздка, содержит ряд натяжек и допущений. Если принять возможность идентификации Юноны с этрусскими и финикийско-карфагенскими богинями, то мы получим следующий ряд отождествлений:

Юни=Астарта
Юнона=Танит
Юнона=Танит=Астарта

В случае его распространения на божественные пары, получаем:

Юнона+Авернус=Астарта+Мелькарт

При этом мы исходим из того, что: *Юнона=Гера, Мелькарт=Геракл.*

В результате мы получаем итоговую формулу:

Юнона+Авернус=Астарта+Мелькарт= Гера+Геракл?

Упрощая, суть проблемы заключается в том, что Астарта являлась женой Мелькарта, но Гера не была женой Геракла. В мифологической традиции богиня является злейшим врагом героя, который был побочным сыном Зевса, хотя по одной из версий она вскормила его своим молоком (Paus.IX.25.2; Diod.IV.9.6). Впрочем, после трансформации Геракла в божество Гера помирилась с ним и выдала за него свою дочь Гебу. Таким образом, Гера могла быть кормилицей и тещей Гераклу, но не его женой[20]. Говорит ли это о том, что исследователи не правы, а все их конструкции базируются на натяжках и допущениях? Как представляется, это не так, если принять во внимание ряд обстоятельств.

Прежде всего, необходимо учитывать наличие множества локальных версий и вариантов, сопровождавших мифологических героев, при-

[18] Miles 2011: 274.

[19] Как подчеркивается в литературе, привязка к Гераклу Ганнибала, моделирующая самоидентификацию с мифологическим героем была инициирована и исходила от самого карфагенского полководца. См.: Billot 2009: 21.

[20] Обращает на себя внимание, что связь между этими двумя персонажами, по крайней мере, в контексте рассматриваемых сюжетов, куда глубже, чем принято считать. Само имя Геракла (Ἡρακλῆς) буквально означает «слава Гере». С именем Геры (Ἥρα) возможно связано и имя легендарного антагониста Геракла великана Гериона (Γηρυών, Γηρυονῆς). Птолемей Гефестион во 2-й книге своего сочинения передает предание, согласно которому Гера в союзе с Герионом сражалась против Геракла и была им ранена. При этом, остров Эрифия, на котором жил Герион, Страбон и Плиний Старший называют, со ссылкой на Эфора и Филистида, островом Геры (Strabo.III.2.11; Plin.NH.IV.120).

том, что свода канонических текстов наподобие книг новозаветного канона в античной традиции не существовало. Кроме того, следует обратить внимание на имя карфагенского полководца, позволяющее выстраивать вокруг него разные смыслы и контексты. Ганнибал (ḥnbʿl) – о это теофорное имя, дериват от имени финикийского бога Баала, которое можно перевести как «*Баал милостив*» или «*дар Баала*». Помимо того, что это конкретное божество ассиро-вавилонского пантеона, из которого оно было перенесено на Ближний Восток, Баал являлся эпитетом понятий «божество, владыка» в их абстрактном значении. В силу этого имя Ганнибал могло восприниматься как означающее «дар» или «любимец» некоего божества с привязкой к конкретной религиозной традиции. Выше уже упоминалось о том что на отчеканенных на территории Иберийского полуострова монетах наибольшей популярностью пользовались образы Мелькарта и Танит, причем в эллинизированном облике. Как известно, Мелькарт довольно рано, возможно, уже в VII в. до н.э., был отождествлен с Гераклом[21]. Тит Ливий сообщает, что отправным пунктом похода Ганнибала в Италию стал город Гадес, в котором находился знаменитый храм, посвященный Мелькарту/Гераклу, о котором упоминается сразу в нескольких источниках (XXI.21.9,22.5)[22].

С другой стороны, Астарта – греческий вариант имени Ашторет, ближневосточной богини, за которой скрывается вавилонская Иштар. В Финикии она почиталась как главное женское божество, «божественная мать», дающая жизнь и имеющая множество имён. Вавилоняне поклонялись Иштар, связывая её культ с Венерой, которая входила в астральную триаду Солнце – Луна – Венера. Финикийская Астарта также была связана с Венерой и рассматривалась ими как богиня вечерней и утренней звезды, указывающая путь. Одновременно Астарта была связана с карфагенским культом богини Танит, который был распространен в пределах всего финикийско-карфагенского мира Западного Средиземноморья, а после гибели Карфагена сохранился в форме почитания одной из ипостасей Юноны. Сыном Астарты был Мелькарт, отождествленный греками с Гераклом (в найденной на территории Мальты билингве его имя прямо переводится как *Геракл-архегет*)[23]. Астарта одновременно была супругой Мелькарта как бога-покровителя Тира (Ios.Flav.IA. VIII.5.3)[24]. Птолемей Гефестион в II книге своего сочинения сообщает, что в Фивах, одном из центров поклонения Гераклу, исполнялся в честь героя гимн, в котором он назывался сыном Зевса и Геры. Впрочем, со-

[21] Изначально Мелькарт был божеством-покровителем Тира, тесно связанным с институтом царской власти. Точное время появления культа Мелькарта неизвестно, возможно, это было время правления Хирама I (X в. до н.э.). См.: Miles 2011: 266-267; Daniels 2018: 239-240.

[22] Strab.III.5.5-9; App.Iber.IV.2.8; Mela.III.6.46; Philostr.Ap.V.5. Как особо отмечает Аппиан, божество, которому поклонялись в храме, было не «Фиванским», но «Тирским» Гераклом.

[23] Bonnet 1988: 244-247; Miles 2011: 265-266

[24] Daniels 2018: 240.

гласно широко представленной в античной традиции версии, сама Гера была одновременно сестрой и женой Зевса, так что различные логические несостыковки и несоответствия тем или иным мифологическим версиям, получившим распространение в определенный период времени, не должны, как представляется, смущать исследователя.

Возвращаясь к сюжету о пребывании Ганнибала в Кротоне, отметим еще раз тот интерес, который в разгар тяжелейшей войны проявлялся карфагенским полководцем к, казалось бы, чуждым ему религиозным культам. Это еще раз показывает, что в тот период шла борьба за умы и симпатии как греческого населения южной Италии и греко-финикийского населения Сицилии, так и народов Италии, к концу III в. до н.э. в той или иной степени уже подвергшихся эллинизации. Несомненно, в условиях того времени идеологические и пропагандистские модели и клише должны были иметь религиозно-мифологическую оболочку. Насколько позволяют судить источники, основной акцент делался на двух ключевых фигурах: Геракле, который подавался как покровитель и проводник Ганнибала в его походе на Рим, и Гере, выступавшей в качестве защитницы Карфагена и его населения. В свою очередь Рим не только пытался заручиться лояльностью Юноны (это показывают события 208 и 173 гг. до н.э.), но и прибегает к покровительству иноземных божеств, установив в течение войны почитание культа Венеры Эруцинской, Менс и Кибелы. Похожая ситуация складывается с культом Геракла, который пытались использовать обе стороны. Апелляция к Гераклу со стороны Карфагена, бесспорно, имела практическое значение, поскольку признание особых отношений, связывавших древнего героя с Ганнибалом, помимо прочего, подразумевало, что покровительствовавшее Риму божество перешло на сторону его противника. В то время как Ганнибал, в т.ч. через чеканку монеты, всячески подчеркивал свою связь с героем, в Риме, где культ Геракла в ипостасях Hercules Invictus и Hercules Victor был закреплен в местном пантеоне с III в. до н.э., получает распространение предание, которое связывало с ним род Фабиев (Ovid.Fast.II.237; Juven. VIII.14)[25]. То, что имя Ганнибала позволяло создавать разнообразные смыслы, семантически связанные с местными религиозными практиками и мифологической традицией, удачно накладывалось на утвердившуюся в эллинистический период традицию обожествления правителей.

Как показывает приведенный материал, религиозные образы и мифологемы в годы Ганнибаловой войны подвергаются многочисленным трансформациям и переосмыслению, играя роль идеологического оружия в борьбе за умы и лояльность народов Италии. Латинская Юнона в зависимости от локальной традиции легко уподоблялась не только греческой Гере, но и этрусской Юни, самнитской Горе, финикийским Танит или Астарте, так же как греческий Геракл перевоплощался в Геркулеса, Мелькарта, Херкле либо получивших распространение в цент-

[25] Miles 2011: 268.

ральной Италии Hereklui, Herclo или Hercolo[26]. В связи с этим, как представляется, можно говорить о неком «неэвклидовом пространстве» духовной культуры Западного Средиземноморья, в котором различные религиозные образы и идеи достаточно плавно перетекали друг в друга и трансформировались – процесс, еще более усилившийся в русле глобалистских тенденций, связанных с Восточным походом Александра и созданием системы эллинистических государств[27].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Billot F.A. Representations of Hannibal: A comparison of iconic themes and events from the life and times of Hannibal. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. The University of Auckland. Auckland, 2009.

Bonnet C. Melqart: cultes et mythes de l'Héraclès tyrien en Méditerrannée. Leuven, 1988.

Bradley G. Aspects of the cult of Hercules in central Italy // Heracles and Hercules. Exploring a Graeco-Roman Divinity / H. Bowden & L. Rawlings (eds). Swansea, 2005. P. 129-151.

Daniels M. Annexing a Shared Past. Roman Appropriations of Hercules-Melqart in the Conquest of Hispania // Rome, Empire of Plunder. The Dynamics of Cultural Appropriation / Ed. by M. P. Loar, C. MacDonald, Dan-el Padilla Peralta. Cambridge, 2018. P. 237-260.

Dumézil G. Archaic Roman Religion. Tr. P. Krapp. Chicago, 1970.

Fabrizi V. Hannibal's March and Roman Imperial Space in Livy, *Ab urbe condita*, Book 21 // Philologus: Zeitschrift für Antike Literatur Und Ihre Rezeption. 2015. 159 (1). P. 118-155.

Feeney D. The Gods in Epic: Poets and Critics of the Classical Tradition. Oxford, 1991.

Goldberg S. Epic in Republican Rome. Oxford, 1995.

Huss W. 1986.Hannibal und die Religion // Studia Phoenicia 4: Religio Phoenicia. Acta Colloquii Namurcensis Dec. 1984 / C. Bonnet et al. (eds). Namur, 1986. S. 223-238.

Moscetti E., Melis M. La Triade Capitolina. Archeologia e culto. Palestrina, 1994.

Miles R. Hannibal and Propaganda // A Companion to the Punic Wars / D. Hoyos (ed.). Oxford, 2011. P. 260-279.

Rich J. Roman attitudes to defeat in battle under the Republic // Vae Victis! Perdedores en el mundo antiguo / F. Marco Simón a.o. (eds.). Barcelona, 2012. P. 83-111.

Rosenstein N. Imperatores victi: Military Defeat and Aristocratic Competition in the Middle and Late Republic. Berkeley etc., 1990.

Wilson M. Flavian variant history, Silius «Punica» // Roman Epic / A.J. Boyle (ed.). Routledge, 1993. P. 218-236.

Квашнин Владимир Александрович, *доктор исторических наук, профессор, кафедра юриспруденции и всеобщей истории и мировой политики, Вологодский государственный университет; kvashninv195@mail.ru*

Hannibal in Croton: «non-Euclidean» space of the ancient narrative

The article is devoted to some aspects of Hannibal's stay in southern Italy. Hannibal took a special interest in the temple of Juno, near Croton. This episode is reflected in the works of Cicero, Livy and Polybius. The source of this tradition is the work of Caelius Antipater, who, in turn, could use the information of the Greek historian Silenus. According to Polybius, Hannibal ordered to place in the temple an inscription containing a list of his victories in Greek and Punic. The attention paid by the Carthaginian commander to religious cults conceals the struggle for the minds and sympathies of Greek Polis of southern Italy and the peoples of Italy. In the conditions of that time, ideological and propaganda models and cliches had to have a religious form. Religious images and mythologems during the Hannibal war were subjected to numerous transformations and reinterpretations, playing the role of ideological weapons in the struggle for the loyalty of the peoples of Italy.

Keywords*: ancient Rome, Hannibal, religion, propaganda, Juno, Melqart*

Vladimir Kvashnin*, Dr. Sc. (History), Professor, Vologda State University; kvashninv195@mail.ru*

[26] Bradley 2005: 132.

[27] Daniels 2018: 239, 251.